

11	0217	ВИКТОР СОСНОРА	«Музу мою спаси»	Часть 1 «Последний лес»
12	0217-2	ВИКТОР СОСНОРА	«Музу мою спаси»	Часть 2 «Разбитая лира»

### «Музу мою спаси» (Коренбит – Соснора)

#### Часть 1 «Последний лес»

1. Детство	– 1.32
2. Поехали	– 1.10
3. Кузнечик	– 2.01
4. Парус	– 1.57
5. Девятый вал	– 1.27
6. Сентябрь	– 2.01
7. Парижский вальс	– 2.20
8. Он вернется	– 2.22
9. В твоих очах	– 1.44
10. Письмо из леса	– 1.57
11. Письмо из леса – 2	– 2.37
12. Письмо из леса – 3	– 2.34
13. Письмо из леса – 4	– 2.39
14. Письмо из леса – 5	– 2.50
15. Я – Гермес	– 3.17
16. Прощание	– 2.35
17. Ночь о тебе	– 2.36
18. Я разлюблю	– 2.33
19. После	– 2.20
20. Прошло	– 1.37
21. Прощай	– 1.21
22. Последний лес	– 3.00
<i>Общее время звучания</i>	<i>– 49.30</i>
<i>Общее время звучания</i>	<i>– 88.57</i>

#### СОДЕРЖАНИЕ

##### Часть 1 «Последний лес»

###### 1. ДЕТСТВО

В детстве, где, как говорят, пролог,  
спят мои дни досадные.

Детство мое, кое прошло  
с пятого на десятое,  
спады, подъемы зим, а весны —  
мизерное количество,  
и не колышется клин весны, —  
мысленно лишь колышется.

Детство — начало из всех начал:  
подлинность в полдни пробуем  
лишь поначалу. А по ночам —  
подлостью, лестью, пропадом!

Пропадом! Майский малиновый снег —  
пропадом! буднями!  
Женщины первой не женский смех —  
пропадом! тройкой с бубнами!

Детство! Напевен и в пору слеп,  
правдою — перед правдою  
лишь поначалу. А повзрослев —  
прочими препаратами.

## **2. ПОЕХАЛИ**

Поехали с орехами,  
с прорехами, с огрехами.

Поехали! Квадратными  
кварталами — гони!  
Машина — лакированный  
кораблик да огни!

Поехали! По эху ли,  
по веку ли — поехали!

Таксер, куда мы мчимся?  
Не слишком ли ты скор?  
Ты к счетчику, а числа  
бесчисленны, таксер.

И твой мотор — картавый,  
улыбочка — оскал!  
Квадратные кварталы  
и круглая тоска.

## **3. КУЗНЕЧИК**

Ночь над гаванью стеклянной,  
над водой горизонтальной...  
Ночь на мачты возлагает  
купола созвездий.

Что же ты не спишь, кузнечик?  
Металлической ладошкой  
по цветам стучишь, по злакам,  
по прибрежным якорям.

Ночью мухи спят и маги,  
спят стрекозы и оркестры,  
палачи и чиполлино,  
спят врачи и червяки.

Только ты звенишь, кузнечик,  
металлической ладошкой  
по бутонам, по колосьям,  
по прибрежным якорям.

То ли воздух воздвигаешь?  
Маяки переключаешь?  
Лечишь ночь над человеком?  
Ремонтируешь моря?

Ты не спи, не спи, кузнечик!  
 Металлической ладошкой  
 по пылице стучи, по зернам,  
 по прибрежным якорям!

Ты звени, звени, кузнечик!  
 Это же необходимо,  
 чтобы хоть один кузнечик  
 все-таки звенел!

#### 4. ПАРУС

Парус парит! Он планирует близко,  
 блещет — шагах в сорока.  
 Будет ли буря? Разнузданы брызги,  
 злоба в зеленых зрачках!

Будет, не будет, не все ли едино?  
 Будет так будет. Пройдет.  
 Жирные птицы мудро пронзают  
 рыбу губой костяной.

Передвигаются древние крабы  
 по деревянному дну.  
 Водоросли ударяются нудно  
 туловищами о дно.

Вот удаляется ветреник-парус.  
 Верит ли в бурю, бегун?  
 Вот вертикальная черточка — парус...  
 Вот уж за зримой чертой.

Буря пройдет — океан возродится,  
 периодичен, весом,  
 только вот парус не возвратится.  
 Только-то. Парус. И все.

#### 5. ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

И возмутятся корабли  
 на стойбищах моих морей.  
 Как сто блестящих кобылиц,  
 поскачут в бой сто кораблей.

В них сто бесчинствующих сов  
 вонзятся костяной губой!  
 Девятый вал! Так в море слов  
 девятый вал. Проклятый бой.

Боишься? А кого, босяк?  
 Эпоху? Короля?  
 Эпоху — в пах! Король иссяк,  
 он плачет у руля.

Он у кормила плачет, наш

кормилец, скиф, герой.  
Он взять хотел на абордаж  
слова кормой корон!

Девятый вал? Он — свалка, вал.  
Во мире синем, в море слез  
торпедами плывут слова.  
Пока подводно. Но всерьез.

## 6. СЕНТЯБРЬ

Сентябрь! Ты — вельможа в балтийской сутане.  
Корсар! Ты торгуешь чужими судами.  
Твой жемчуг — чужой. А торговая прибыль?  
Твой торг не прибавит ни бури, ни рыбы.

А рыбы в берлогах морей обитают.  
Они — безобидны. Они — опадают.  
Они — лепестки. Они приникают  
ко дну, испещренному плавниками.

Сентябрь! Твой парус уже уплывает.  
На что, уплывая, корсар уповает?  
Моря абордажами обладают.  
А брызги, как листья морей, опадают.

Любимая! Так ли твой парус колеблем,  
как август, когда, о моря ударяясь,  
звезда за звездой окунают колени...

Да будет сентябрь с тобой, удаляясь.

## 7. ПАРИЖСКИЙ ВАЛЬС

Знал я и раньше,  
да и недавно,  
страх страницы...  
Рассказать разве,  
как над Нотр-Дамом —  
птицы, птицы.

Рассветал воздух,  
воздух звезд. Луны  
уплывали.  
Транспорт пил воду  
химии. Люди  
уповали.

Про Париж пели  
боги и барды  
(ваша — вечность!).  
Ведь у вас — перлы,  
бал — баллады,  
у меня — свечка.

И метель в сердце —  
 навестай встречи!  
 Где моя Мекка?  
 В жизни и смерти  
 у меня свечка,  
 мой значок века,

светофор мига,  
 мой простой праздник,  
 рождество, скатерть...  
 Не грусти, милый,  
 все — прекрасно,  
 как — в сказке.

Гении горя  
 (с нашим-то стажем!),  
 мастера муки!  
 Будь же благ, город,  
 что ты дал даже  
 радость разлуки.

Башенки Лувра,  
 самолет снится,  
 люди — как буквы,  
 лампочки — луны,  
 крестики — птицы...  
 Будь — что будет!

## 8. ОН ВЕРНЁТСЯ

Он вернётся, не плачь!  
 (Слезы, слезы, соратницы дурости!)  
 Он вернется, не плачь.  
 А товары из Турции,  
 а товары, товары моряк привезет!

Привезет он помаду, нежнейшую, как помазок.  
 Проведешь по губе — как повидлом по сердцу!

Но и ты измени отношенье к соседу.

Относись по-соседски, но более скромно.  
 Относись относительно благосклонно.

Он ведь временно тих, но ведь в мыслях — вперед забегает.  
 Не за так он мизинцем загадочно ус загибает.

Пусть подмигивает — сплюнь, как будто противно.  
 Он физически развит, а умом — примитивен.

Вот — моряк! О тебе размышляет моряк со стараньем.  
 Сердцем он постоянен, как вращенье земли.  
 Он вернется, не плачь! Демонстрируй свое ожидание,  
 стирая, окуная тельняшки в заветный залив.

Он вернется, не плачь!  
 Не разбрызгивай слезы по пляжу.  
 Вот вернется — поплачешь...

### 9. В ТВОИХ ОЧАХ

В твоих очах, в твоих снегах,  
 я, путник бедный, замерзаю.  
 Нет, не напугал я, — солгал.  
 В твоих снегах я твой Сусанин.

В твоих отчаянных снегах  
 гитары белое бренчанье.  
 Я твой солдат, но не слуга,  
 слагатель светлого прощанья.

— Нас океаны зла зальют... —  
 О, не грози мне, не грози мне!  
 Я твой солдат, я твой салют  
 очей, как небо, негасимых.

— Каких там, к дьяволу, услад!  
 Мы лишь мелодии сложили  
 о том, как молодость ушла,  
 которой, может быть, служили.

### 10. ПИСЬМО ИЗ ЛЕСА

Лист жёлтый на небе не желтом,  
 но и не синем.

Иголки с блеском у елей, а паутина —  
 как пена.

Воздух воздушен, и где-то там плачут  
 пчелы.

Вот ветерок, и листья еще  
 пролетели.

(Помни полет стрекозы и ее кружевце-  
 крылья!)

Солнце все засекает солнечным  
 цветом.

Вот я уйду во время луны  
 в небе.

Запах звериный, но из зверей  
 лишь я не вою.

В этом лесу я как с тобой, но ты —  
 где ты?

Хоть бы оставила боль, но и боль —  
былая.

И, запрокидывая лицо свое  
к небу,

я говорю: ничего без тебя  
мне нету.

### 11. ПИСЬМО ИЗ ЛЕСА – 2

Зелень цветная, блуд бледнокожих,  
лебедь Египта,

мед молока, теплое тело,  
нежные ноги,

челка на лбу — иннок и конь! —  
волосы власти!

Кисти твои не расплести —  
так расплескались,

губы твои не целовать, —  
замкнуты знаком,

не обнимать хладных колен —  
окольцевали,

и на спине спящей твоей  
нет мне ладони.

Спи, человек мой голубой,  
девочка дочки,

в майской Москве в доме для нас  
нет ни паркетки,

спи, ибо ты ночью — ничья,  
даже в объятьях,

снятся тебе глазки машин,  
как у китайцев.

Я по лесам, по чудесам  
с кепкой скитаюсь,

снова смеюсь и сам про себя  
песенку вою:

«Но он сел в лес  
и пил лип сок...»

Стал я так тих и не влюблен,  
в буквы играю,

птица ль заплачет — я замолчу —  
зверь ли завоет.

Я не приду, я не приснюсь  
вовсе ни разу,

но и тебе (клятва!) живой  
боль не позволю.

## 12. ПИСЬМО ИЗ ЛЕСА – 3

Я говорю: ничего без тебя  
мне нету.

Я говорю, а ты не услышь  
мой шепот,  
может, последний в светлом лесу  
воплъ волчий,  
все-таки мало, милая, нам  
ласк леса.

Волк запрятался в лист, во тьму, —  
знак смерти.

Рыбы режут немо. В водах —  
всхлип, всплески.

Жаворонок задохнулся и не  
спас сердце.

Храбрая будь, хороший мой пес,  
мой? чей ли?

Заперли в дом, двери на цепь, —  
лай, что ли?!

В окна — бинокль, а телефон —  
хор Хама.

Все на коленях, — в клятвах, в слезах!  
О, овны!

Ты им не верь, ведь все равно  
цель — цепью!

Ты так тиха. Шею твою —  
в ошейник!

Лишь в полуснах-кошмарах твоих  
бред бунта.

Будь же для всех бледной бедой,  
бей болью,  
грешная будь, нелающий мой,  
мой майский!

Я ли не мудр: знаю язык:  
карк врана,  
я ли не храбр: перебегу  
ход рака...

Все я солгал. В этом лесу  
 пусть плохо,  
 но не узнай, и вспоминать  
 не надо.

### 13. ПИСЬМО ИЗ ЛЕСА – 4

Вот я уйду во время луны  
 в небе.  
 наших ночей — нет. И ничто —  
 время.  
 Наша любовь — холод и хлеб  
 страсти  
 в жизни без жертв — как поцелуй  
 детства.

Вот муравей — храбрый малыш  
 мира,  
 вишенкой он бежит по  
 веку.  
 Что для него волк-великан —  
 демон,  
 росы в крови, музыка трав  
 Трои?

В небе ни зги нет. Деревя  
 тени  
 порастеряли, или и их —  
 в тюрьмы?  
 В нашей тюрьме только зигзиц  
 числа,  
 «стой, кто идет?» — выстрел и вопль!  
 ты ли?

Только — не ты! Я умолю  
 утро,  
 голову глаз выдам своих  
 Богу,  
 я для себя сам отыщу  
 очи...  
 Не умирай в тюрьмах моих  
 сердца!

### 14. ПИСЬМО ИЗ ЛЕСА – 5

Спи, ибо ты ночью — ничья,  
 даже в объятьях.

Пусть на спине спящей твоей  
 нет мне ладони.

Но я приснюсь только тебе,  
 даже отсюда.

Но я проснусь рядом с тобой

завтра и утром.

Небо сейчас лишь для двоих  
в знаках заката.

Ели в мехах, овцы поют,  
красноволосы.

Яблоня лбом в стекла стучит,  
но не впускаю.

Хутор мой храбр, в паучьих цепях,  
худ он и болен.

Мой, но — не мой. Вся моя жизнь —  
чей-то там хутор.

В венах — вино. А голова —  
волосы в совах.

Ты так тиха, — вешайся, вой! —  
вот я и вою.

Хутора, Боже, хранитель от правд, —  
правда — предательств!

Правда — проклятье! С бредом берез  
я просыпаюсь.

Возговори, заря для зверья —  
толпища буквиц!

Боже, отдай моленье мое  
женщине, ей же!

Тело твое — топленая тьма,  
В клиньях колени,

кисти твои втрое мертвы —  
пяतिकонечны,

голос столиц твоего языка —  
красен и в язвах,

я исцелил мир, но тебе  
нет ни знаменья,

жено, отыдь ты от меня, —  
не исцеляю!

### **15. Я – ГЕРМЕС**

Я тебя отворю у всех семей, у всех невест.  
Аполлону — коровы, мяса, а я — Гермес.

Аполлону — тирсы и стрелы, а я — сатир,  
он — светящийся в солнце, а я — светлячком светил.

Я тебя (о двое нас, что — до них, остальных!),  
я тебя отвою во всех восстаньях своих.

Я тобой отворю все уста моей молвы.  
Я тебя отреву на всех площадях Москвы.

Он творил руками тебя, а я — рукокрыл.  
Он трудился миллионы раз, а я в семь дней сотворил.

Он стражник жизни с серебряным топором.  
Он — жизнь сама, а я — бессмертье твое.

Я тебя от рая (убежища нет!) уберегу.  
Я тебя отправлю в века и убегу.

Я тебе ответил. В свидетели — весь свет.  
Я тебе отверил. И нашего неба — нет.

Нет ни лун, ни злата, ни тиканья и ни мук.  
Мне — молчать, как лунь, или мычать, как мул.

Эти буквицы боли — твои семена,  
их расставлю и растравлю — и хватит с меня.

## **16. ПРОЩАНИЕ**

Здравствуй!  
В синих морях голубые дожди отзвенели.

Птицы  
включили все караваны, и с криком тебя провожают.

Это  
кони Патрокла плачут в бою, где гибнет хозяин.

Небо  
пылающих шпаг ангелимов на тучах трепещет.

Камни  
идут с Гималаев, чтоб взять тебя в эхо Удмурта.

Гимны  
выбросив в море и каски снимая, плачут герои.

Чаши опустошены, и кончается Пятое Солнце!

Пчѐлы  
склонились в саду, он любим и посажен тобою.

Очи

закрою твои голубые, ты храбро сражалась.

Нектар  
был красного цвета и горек.

Женщин  
хоронят рукой и теряют Отчизну.

### 17. НОЧЬ О ТЕБЕ

Звезда моя, происхождением — Пса,  
лакало млеко пастью из бутылки.  
И лун в окошке — нуль. Я не писал.  
Я пил стакан. И мысли не будили...

о вас... Я не венчал. Не развенчал.  
Я вас любил. И разлюбить — что толку?  
Не очарован был. И разочарованья — нет. Я выдумал вас. Только.

Творец Тебя, я пью стакан плодов  
творенья. Ты — обман. Я — брат обмана.  
Долгов взаимных — нет. И нет продолженных ни «аллилуйя», ни «осанна».

Я не писал. Те в прошлом, — письмена!  
Целуй любые лбы. Ходи, как ходишь.  
Ты где-то есть. Но где-то без меня,  
и где-то — нет тебя. Теперь — как хочешь.

Там на морях в огне вода валов.  
(Тушил морями! Где двузначность наша?)  
И в водах — человеческих голов  
купанье поплавковое... Не надо.

А здесь — упал комар в чернильницу, — полет  
из Космоса — в мою простую урну.  
Господь с тобой, гость поздний. Поклюем  
в чернилах кровь и поклянемся утру.

### 18. Я РАЗЛЮБЛЮ

Я разлюблю (клянусь!). Тот рай-бал!  
Империя бокалов! Рой роз!  
Но отзвенел от вин злат-зал.  
И мусорщик метет грязь грез.

А я во тьме ласкаю мех свеч,  
кружатся буквы — ипподром ваз...  
Я вынесу любую месть, меч,  
не разобью ни розы в знак вас.

Как счастье в них царит — цепей шелк,  
их храп — хорош, тверда звезда правд,  
они пришли за мной — в щитах щек!

Что ж. Грудь моя открыта, — бей, брат!

Я вынесу любую плеть, плен.  
Я разлюблю тебя в телах толп.  
Ибо — для них кольца твоих колен,  
девичья нежность твоих, а я — тот,

так, которого не было, не вопрос  
и не ответствение, — стук ничьих сердец...  
«Вправо пойдешь», «влево пойдешь» — путь прост,  
да не сложнее, в общем-то, третий — путь в смерть.

## 19. ПОСЛЕ

Теперь от вас — воспоминанье, вас — пониманье:  
Графин и грусть. Головка лампы.  
Лучей заката карусели.  
Луной без солнца пахнет ландыш.  
Клюют лягушку коростели.

С дрожащей шпагой Дон Жуана,  
факир пустынь, снег Эвереста,  
ты — жизнь и факт, я — доживанье  
себя, чье имя — блуд и ересь.

Теперь от вас — воспоминанье, вас — поминанье:

Лилит столиц, мишень орлана,  
ты крылья крови не спросила,  
ты — правды знак, я — знак обмана...  
Уже ушла... На том спасибо.

За «нет тебя!» — золотая чаша!  
Графин и грусть. В свечах бессонниц  
листаю пальцем Книгу Часа...  
А жизнь жует свой хлеб без соли.

## 20. ВСЁ ПРОШЛО

Всё прошло. Так тихо на душе:  
ни цветка, ни даже ветерка,  
нет ни глаз моих и нет ушей,  
сердце — твердым знаком вертикаль.

Потому причастья не прошу,  
хлеба-соли. Оттанцован бал.  
Этот эпос наш не я пишу.  
Не шипит мой пенистый бокал.

Хлебом вскормлен, солнцем ослен  
майский мир. И самолетных стай  
улетанье с гулом... о старо!  
И ни просьб, ни правды, и — прощай.

Сами судьбы — страшные суды,

мы — две чайки в мареве морей.  
 Буду буквица и знак звезды  
 небосклона памяти твоей.

## 21. ПРОЩАЙ

Не спрашивай, кто я, — не знаю я.  
 Не бес, не Бог.  
 Я — просто я в бедламе бытия, —  
 не свят, не плох.

Что ночь бела — я знаю. Ничего.  
 Сирень. Балкон.  
 Цепь львиная на мостике... и вот —  
 белым-бело!

Прощай! Кто ты — не знаю. Не грусти,  
 лети листвою!..  
 Как будто птица плачет на груди,  
 а не лицо!

## 22. ПОСЛЕДНИЙ ЛЕС

Мой лес, в котором столько роз  
 и ветер вьётся,  
 плывут кораблики стрекоз,  
 трепещут весла!

О, соловьиный перелив,  
 совиный хохот!..  
 Лишь человечки в лес пришли —  
 мой лес обобран.

Какой капели пестрота,  
 ковыль-гравинки!  
 Мой лес — в поломанных крестах (перстах),  
 и ни тропинки.

Висели шишки на весу,  
 вы оборвали,  
 он сам отдался вам на суд —  
 вы обобрали.

Еще храбрится и хранит  
 мои мгновенья,  
 мои хрусталики хвои,  
 мой муравейник.

Вверху по пропасти плывут  
 кружочки-звезды.  
 И если позову «ау!» —  
 не отзовется.

Лишь знает птица Гамаюн  
 мои печали.

— Уйти? — Иди, — я говорю.  
— Простить? — Прощаю.

Опять слова, слова, слова  
уже узнали,  
все целовать да целовать  
уста устали.

Над кутерьмою тьма легла,  
да и легла ли?  
Не говори — любовь лгала,  
мы сами лгали.

Ты, Родина, тебе молясь,  
с тобой скитаясь,  
ты — хуже мачехи, моя,  
ты — тать святая!

Совсем не много надо нам,  
увы, как мало!  
Такая лунная луна  
по всем каналам.

В лесу шумели комары,  
о камарилья!  
Не говори, не говори,  
Не говори мне!

Мой лес, в котором мед и яд,  
ежи, улитки,  
в котором карлики и я  
уже убиты.